

УДК: 81-112.2

А. Д. Сиротенко

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА В ТРАКТАТЕ АБЕЛЯ МАТЬЕ «DEVIS DE LA LANGUE FRANCOYSE» (1559)

5

Рассматриваются вопросы языка, получившие свое отражение в трактате Абелья Матье «Devis de la langue francoyse» (1559). Изучаются воззрения автора на такие актуальные для французской лингвистической традиции XVI в. проблемы, как происхождение французского языка, его защита и прославление, а также проблемы перевода. Особое внимание обращается на стремление А. Матье доказать самодостаточность французского языка.

The article deals with the corpus of problems reflected in the first edition of Abel Matthieu's «Devis de la langue francoyse» (1559). Author's views on the actual for the French renaissance problems in linguistic tradition, such as the origin of language, its defense and illustration, interpretation of foreign texts are studied. The particular attention is paid to Abel Matthieu's attempts to prove the self-sufficiency of French language.

Ключевые слова: Абель Матье, французская лингвистическая традиция, происхождение языка, защита и прославление языка, проблемы перевода.

Key words: Abel Matthieu, French linguistic tradition, the origin of language, defense and illustration, interpretation of foreign texts.

В историко-лингвистических исследованиях последних лет не ослабевают интерес ученых к французской национальной лингвистической традиции XVI в. как начальному этапу ее формирования. Именно в это время появились первые работы, в которых французский язык выступил в качестве объекта изучения, что способствовало становлению принципов его описания, а также внесло существенный вклад в обогащение западноевропейской системы знания о языке в целом.

Импульсом к возникновению языкового самосознания французов послужили, по свидетельству ученых, особые социокультурные процессы, происходившие в то время во Франции. Во-первых, общество узнало новую форму идеологии — гуманизм. Как отмечает З.В. Гуковская, гуманистическая система взглядов, возникшая в начале XVI в. на французской почве, привнесла новое понимание истории, новую трактовку философских проблем, нанеся тем самым удар по средневековому схоластическому мировоззрению [1, с. 19]. Во-вторых, благодаря политическому и экономическому объединению Франции в сильное централизованное государство, в сознании ее жителей зародились такие поня-

тия, как «нация» и «национальная культура», а в интеллектуальной среде впервые была обозначена проблема национального языка как основного проявления этой новой культуры [3, с. 100–101].

Известно, что в начале XVI в. во Франции безусловным авторитетом во всех сферах общественной деятельности пользовался латинский язык. Он был официальным языком государства, языком судопроизводства, религии, науки, литературы. Латынь выступала олицетворением высочайшего уровня культуры и образованности. В связи с этим возможности французского языка продолжали оставаться достаточно ограниченными. Постепенно приходило осознание необходимости расширения его функциональных сфер, а также его унификации, совершенствования и обогащения. Именно это, как пишет Ф. Руже, определило основной вектор сознательной языковой политики в стране: прославление французского языка и его борьбу с латынью [11, с. 9].

Свидетельством масштаба данного процесса, по мнению Л. М. Скрепиной, может служить тот факт, что в нем принимали активное участие как те гуманисты, деятельность которых была непосредственно связана с языком (переводчики, поэты, издатели), так и преподаватели точных наук, врачи и юристы [5, с. 302]. К числу последних относится французский юрисконсульт Абель Матье. Интерес к родному языку, а также желание его прославить побудили его к написанию трактата «*Devis de la langue francoise*», первые два издания которого вышли одно вслед за другим в 1559 и 1560 гг. в Париже в издательском доме Ришара Бретона, а затем были переизданы в 1572 г. в виде объединенного и дополненного третьего издания. Воззрения автора на природу родного языка составили главную тему первой книги трактата (1559 г.), она и станет объектом нашего внимания.

А. Матье по праву принадлежит к тем эрудитам XVI в., в ком Ф. Брюно видел «вкус к изучению родного языка» [7, с. 78]. Работы по историографии, энциклопедии и справочники содержат мало сведений о его биографии. Как пишет А. Жактен-Годе, незначительные факты жизненного пути А. Матье были получены из откровений, оставленных самим автором в текстах своих сочинений, что, по мнению исследовательницы, позволяет изобразить лишь «эскиз» его жизни [8, с. 14]. А. Матье родился предположительно в 1520 г. в Шартре в семье придворного юриста. Пойдя по стопам своего отца, он учился в университете города Бурж на факультете права, после чего поступил на службу в качестве юрисконсульта. Исследователи творчества А. Матье характеризуют его как человека высокообразованного, разностороннего, знатока латинского, греческого и итальянского языков [10, с. 593; 8, с. 26]. Неудивительно, что он не смог остаться в стороне от языковых проблем, находившихся в центре внимания современников.

Изложение своих лингвистических воззрений А. Матье предварил посвящением королеве Наварры Жанне д'Альбре с целью заручиться ее покровительством, а также мотивировать причины обращения к не свойственным его роду деятельности вопросам языка. В свое оправдание он писал: «*J'au pensé entreprendre de toucher le propos de la langue*

francoyse commun et familier, non pas que J'entende par là entreprendre sur les marches de ceulx qui ont beaucoup plus que moy escript et compose en Icelle, mais... Je leur veulx donner à congnoistre que je n'ay point en haine... ce dont ilz pensent faire prouffit au people et à la chose publique» [9, f. 2] (Я предпринял попытку затронуть вопрос о народном французском языке не потому, что я намереваюсь пойти по стопам тех, кто более меня сочинял и писал на нем, а потому, что я хочу донести до последних, что разделяю их убеждения и мысль о том, что это принесет выгоду как народу, так и государству)*. В качестве «последних» А. Матъе подразумевал Ж. Тори, К. Маро, поэтов «Плеяды» и других авторов, которые до него высказывались за использование родного языка в качестве языка литературы, а также предлагали свои способы его обогащения и прославления.

7

Далее А. Матъе коротко и четко обозначил основные направления собственных лингвистических рассуждений. Примечательно, что для этого он избрал не прозаическую, а поэтическую форму изложения. Учитывая тот факт, что для гуманистов XVI в. поэзия была высшей формой существования языка, использование автором «Devis» сонета в качестве эпиграфа не вызывает удивления. Так, он пишет: «Qui vouldra veoir une raison parfaite / de bien escripre, et trop mieux deviser / Qui vouldra veoir une facon bien traicte / D'artisement termes authorizer / Qui vouldra veoir tout ce qu'il peult puiser / en l'oeuvre faict d'un tresdivin poete / S'arreste icy, et cy dedans contemple» [9, f. 1] (Кто захочет увидеть, в чем заключается умение / хорошо говорить и писать по-французски, / Кто захочет узнать / способ искусно употреблять слова, / Кто захочет понять, что он может почерпнуть / из произведения великого поэта, / Пусть он остановится здесь и посмотрит).

Как видно из текста сонета, основное ядро языковой концепции А. Матъе составляли три ключевые проблемы: проблема правильности речи, проблема происхождения языка, а также проблема перевода как одного из способов обогащения французского языка. В этом первая книга «Devis» тематически схожа с трактатом Данте «De vulgari eloquentia», содержание которого Л.Г. Степанова характеризует как «рецепт сотворения итальянского языка от порождения материала до советов по его украшению» [6, с. 11].

Остановимся подробнее на каждом из пунктов «рецепта сотворения» французского языка, представленного в трактате А. Матъе.

Начиная свои рассуждения о том, что значит «хорошо говорить», автор «Devis» обращается к известному постулату христианской антропологии, согласно которому главным отличием человека от животного является разум. Однако следом он уточняет, что в философии греческое слово «logos» (разум) имеет также второе значение — «речь». В данном случае А. Матъе использует аристотелевскую аргументацию, согласно которой язык — уникальное средство коммуникации, свойственное только человеку и составляющее его видовую особенность. Как

* Здесь и далее в скобках перевод наш. — А. С.

отмечает Л. Г. Степанова, данная тема, связанная с определением положения языка среди других возможных видов коммуникации, была традиционной для средневековых мыслителей [6, с. 40].

Переходя к следующему аргументу, А. Матье пишет: «...est ce pas chose belle et digne que bien parler et soy donner à entendre aux gens de son pays et de sa nation?» [9, f. 5] (Достойным качеством человека является стремление хорошо говорить и быть понятым своими соотечественниками). Эта мысль выступила своего рода исходным пунктом его апологии родного языка. По словам А. Матье, человек, говорящий на своем родном языке, заслуживает не меньшей похвалы, чем тот, кто излагает свои мысли на латинском, греческом или любом другом иностранном языке («Un homme ne merite point moins de louange en declarant bien son sens en sa langue patriote, que celui qui parle ou escript promptement Grec et Latin, ou autre langue estrangere et vulgaire» [9, f. 5]). Как отмечает А. Жактен-Годе, эту идею автор «Devis» заимствовал из трактата «Prose della volgar lingua» величайшего представителя итальянского Возрождения П. Бембо, выступавшего за использование народных языков в качестве языка литературы [8, с. 26].

Необходимость развивать родной язык через его повсеместное употребление представлена у А. Матье следующим образом: «...celluy bien entendu en ses langues icy, et ignorant la sienne ou mal parlant en Icelle, est semblable à ceux là qui font des chasteaux en Espagne, et bastissent des Palais à Romme, et ou lieu de leur demeure ils habitant... dans maisons basses et couvertes de chalumeaux» [9, f. 5] (Тот, кто, не зная собственного языка, в совершенстве владеет иностранными языками, подобен тем, кто возводит замки в Испании и Риме вместо того, чтобы ремонтировать свои родные жилища, укрытые соломой). Так автор выражал свое осуждение в адрес тех своих соотечественников, кто продолжал использовать латинский язык, пренебрегая родным.

Поясняя, кому следует перейти на использование французского языка, А. Матье называл прежде всего людей труда: «Le nautonnier, le laboureur, le gendarme, le berger... consequement un chacun pourra deviser ou escrire proprement en sa langue, et user des termes de son art» [9, f. 6] (Всякий моряк, земледелец, солдат, пастух способен умело говорить и писать на родном языке, используя слова своего ремесла). По мнению А. Матье, французский язык обязательно должен использоваться и при королевском дворе: «Quant aux courtisans, le Prince et autres personnes liberes, ilz debvrons escrire ou deviser populairement... A quelle consequence de liberté sont receuz les Chanceliers qui escripent l'Oracle et volonté du Roy» [9, f. 7] (Что касается придворных и принцев, они должны говорить и писать на родном языке, в то время как канцелярские служащие должны закреплять на нем их указы и ордонансы).

В то же время он признавал, что готов простить использование греческих или латинских слов ученым, особенно в таких сферах, как медицина и юриспруденция. Его аргументация сводится к следующему: «Et peult on bien pardonner... s'ils usent quelquesfois de mots Incogneuz au commun, s'ilz le font modestement et par congé, et non par arrogance, ou

par affection d'innover» [9, f. 5] (Мы можем простить им употребление иностранных слов в том случае, если они их используют скромно, не проявляя надменности и желания с их помощью вносить новации в родной язык). Таким образом, вслед за Ж. дю Белле и Л. Мегре и некоторыми другими авторами А. Матье высказывал свою убежденность в равенстве народных и классических языков, а также в необходимости обогащать и совершенствовать французский язык при непосредственном участии всех социальных слоев французского общества.

Значительное место в трактате А. Матье отведено проблеме происхождения языка, вызывавшей наиболее оживленную полемику среди гуманистов во второй трети XVI в. В первую очередь он выступал против авторов, которые, опираясь на библейский миф о Вавилонской башне, стремились объяснить наличие множества языков. В частности, он писал: «Je ne trouve pas ferme argument pour defender ceste opinion advenent tel desordre par l'Ire et fureur de Dieu» [9, f. 11] (Я не нахожу убедительных аргументов для того, чтобы разделить точку зрения о том, что разгневанный Бог перепутал имена вещей). По его мнению, «бабеллисты» этим возлагали всю ответственность на Бога и обвиняли его в «языковом беспорядке». Возражая приверженцам теории Вавилонского столпотворения в неверной трактовке Священного Писания, Матье писал: «Ceulx donc qui suyvent ceste opinion ne prouve rien, combien qu'ilz alleguent le texte de la Bible, qui n'entendent pas... et montrent follement au ciel par la legiereté de cerveau» [9, f. 12] (Все те, кто придерживаются этого мнения, делают не что иное, как извращают смысл текста Библии, который не понимают... и указывают бездумно на небо, чтобы объяснить любые явления).

Свое негодование он обрушивал и на тех авторов, которые стремились наделить французский язык престижным происхождением, возводя его к греческому, латинскому и древнееврейскому языкам, поднимая тем самым его статус. Доводы А. Матье сводятся к следующему: «Nostre premier langage est fait à part lui, et il n'est tire d'aucun» [9, f. 18] (Первоначальный французский язык произошел сам по себе, следовательно, он не является производным от других языков). В этом убеждении четко прослеживается влияние идеи национальной исключительности, завладевшей в то время умами патриотически настроенной части французского общества. Как отмечает Е. Н. Михайлова, данная идея повлекла за собой сдвиг общего направления лингвистической программы французского гуманизма. На смену центробежным силам, направленным на поиск общих истоков, пришли силы центростремительные, сделавшие из национального языка объект небывалого по своим масштабам филологического просветительства [4, с. 43].

В то же время А. Матье не отрицал, что во французском языке имеется немало заимствований из греческого и латинского языков. Но, по его мнению, эти «чужие слова» со временем так адаптировались во французском языке, что их давно следовало считать родными: «Je ne puis nier que depuis que les hommes instruits ont commencé à coucher par escrit en François, Ils ne l'ayent enrich et multiplié hardiment de quelques

motz que par apres usaige a recue et leurs a donné place honeste» [9, f. 13] (Я не отрицаю, что наши предки, образованные и бывавшие за границей, обогатили наш родной язык некоторыми иностранными словами и терминами, которые, благодаря обычаю, получили в нем свое почетное место).

В решении проблемы происхождения языков А. Матье предпочитал сначала «всесторонне изучить причины происшествий в пределах способностей человеческого разума» («considerer premierement les causes venues des accidens, et les Juger selon la capacité de l'homme» [9, f. 12]). По его мнению, различные языки существовали еще задолго до строительства Вавилонской башни. Его рассуждения по этому вопросу сводятся к следующему: «Les langues et facons de soy explicquer estoient Ja devisees et separées entre les peuples et pays barbares en sorte que close des deux fleuves Euphrates et Tigris et aux autres quartiers du monde les choses avoient particulièrement leurs noms» [9, f. 12] (Языки существовали и различались у народов, проживавших в районе Тигра, Евфрата и других частях света, где вещи определенно назывались своими именами).

По А. Матье, способность говорить, которая в духе времени понималась как умение «создавать слова», является врожденным с того времени, когда появилась необходимость в примитивной коммуникации. Поясняя эту идею, он писал: «Dès la premiere creation de l'homme il n'y a eu nation si barbare... qui boivent et mangent tous seulz, et ne cherchent en aucun acte de vie compaignon, entre laquelle il n'y ait quelque signification des choses par nom ou par Indice, et qu'il n'ait le commencement et la propriété de ce faire» [9, f. 11] (Не было таких диких и варварских наций, которые предпочитали отшельничество, ели и пили в одиночестве и не искали себе товарища... не имели знаков и слов, чтобы обозначать вещи и не стремились в этом преуспеть). Этот аргумент привел А. Матье к выводу, что слова родились благодаря воле и фантазии людей, а так как последняя изменчива по своей природе, то и языки в результате получились различными («Les motz ou marques des choses... sont d'Imposition et d'Invention d'homme, laquelle comme elle est variable en nature aussi sont les langues et manieres de parler diverses» [9, f. 16]).

Таким образом, он не только отрицал идею о божественном происхождении языка, но и высказывал прогрессивную для своего времени мысль об активной роли человека в его развитии. Как отмечает З. В. Гуковская, данная концепция «изобретения» языка служила еще одним убедительным доказательством природного равенства «вульгарных» языков с каноническими [1, с. 37].

Приведя по-своему убедительные аргументы в пользу того, что французский язык наделен не меньшим потенциалом, чем латинский, А. Матье обратился к рассмотрению проблем перевода. А. Жактен-Годе подчеркивает, что именно в переводе античного наследия на родной язык автор «Devis» видел один из надежных способов его обогащения и прославления [8, с. 122].

Изложение воззрений А. Матье на перевод начинаются с определения его главных принципов. Во-первых, по его мнению, переводчику

следует учитывать тему и общий смысл, которые автор заложил в свое произведение. При этом, как пишет А. Матье, «ничто не должно быть упущено и забыто, так как это может вывести переводчика на ложный путь» («rien ne doit estre obmis ny oublié de peur d'infidelité et de mensonge, qui mectront le traduisant hors de bon bruit» [9, f. 22]). Во-вторых, переводчики должны обращать пристальное внимание на стиль автора оригинала, «изучая употребляемые слова и термины как по отдельности, так и вместе» («les termes et noms des choses viennent à considerer doublement chacun à part, et assembles» [9, f. 22–23]). Тем самым он предостерегал от практики дословного перевода, которая охарактеризована им как «терзание языка» («escorcher une langue» [9, f. 23]). В-третьих, переводчики должны воздерживаться от искушения заимствовать слова и термины, употребленные автором оригинального текста, подражая ему. В частности, он писал: «Parquoys tous autheurs ne sont pas faciles à mettre en françoys, et ceulx principalement qui usent de termes d'art estranges lesquelz on ne peult apprivoiser» [9, f. 26] (Особенно нелегко переводить на французский язык тех авторов, кто использует множество иностранных слов, которые мы не можем приручить). В качестве решения этой проблемы А. Матье предлагал заменять их «на длинную цепь французских слов» («long circuit de parolles» [9, f. 26]). Под «цепью слов» он понимал не что иное, как перифразы.

Проведенный анализ показывает, что А. Матье не был сторонником теории подражания, которая была по-своему убедительно изложена Ж. дю Белле в трактате «La deffence et illustration de la langue francoyse» (1549). В отличие от автора манифеста «Плеяды», призывавшего молодых поэтов копировать Древних (античных поэтов) и соревноваться с ними в мастерстве, А. Матье считал, что подобная практика принижает авторитет родного языка.

Как показал историко-лингвистический анализ трактата «Devis de la langue francoyse», воззрения А. Матье на язык в целом находятся в русле лингвистической программы французского гуманизма, направленной на защиту и прославление французского языка. Оригинальность лингвистической концепции Матье состоит в том, что в отличие от своих предшественников, адресовавших свои работы узкому кругу лиц (поэтам, придворным), А. Матье предложил рецепты обогащения французского языка широкой аудитории – всем тем, кто желал поднять престиж родного языка. Кроме того, он не стремился продемонстрировать родство французского языка с латынью и использовать последнюю в качестве источника для его пополнения, как многие гуманисты, но пытался доказать автономность родного языка и его способность развиваться преимущественно за счет собственных средств.

Список литературы

1. Гуковская З. В. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения: теория языка у «Плеяды». Л., 1940.
2. Катагощина Н. А., Гурычева М. С., Аллендорф К. А. История французского языка. М., 1976.

3. Люблинская Л. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции. М., 1957.
4. Михайлова Е. Н. Языковая программа французского гуманизма // Судьбы языков: Вопросы внешней и внутренней истории. М., 2008. С. 35–51.
5. Скредина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М., 2005.
6. Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000.
7. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. T. II (XVI-e siècle). Paris, 1927.
8. Jacquelin-Gaudet A. Devis de la langue française, 1559; suivi du Second Devis et principal propos de la langue française, 1560; texte original transcrit et annoté. Paris, 2008.
9. Matthieu A. Devis de la langue francoyse. Paris, 1559.
10. Peach T. Le «Devis de la langue française» d'Abel Matthieu (1572) // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1993. Vol. 55, № 3. P. 591–602.
11. Rouget F. La langue française: obstacle ou atout de «l'Etat-nation»? // Renaissance et Réforme. 2005. Vol. 41, № 1. P. 7–23.

Об авторе

Алина Дмитриевна Сиротенко – асп., Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: aline-bel@rambler.ru

About the author

Alina D. Sirotenko, PhD student, Belgorod State National Research University.

E-mail: aline-bel@rambler.ru

УДК 811.161.1

Н. В. Писарь

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ДИХОТОМИЯ» В ЛИНГВИСТИКЕ

Рассматривается функционирование термина «дихотомия» в философии, логике и лингвистике. Выявляется сущность понятия «дихотомия» и его смысловая соотнесенность с понятиями «антиномия», «антонимия» и «бинарная оппозиция».

The author considers the functioning of the term "dichotomy" in philosophy, logic and linguistics; analyzes the essence of the concept of "dichotomy" and its semantic relatedness to the concepts of "antinomy", "antonymy" and "binary opposition".

Ключевые слова: дихотомия, антиномия, антонимия, бинарная оппозиция, языкознание.

Key words: dichotomy, antinomy, antonymy, binary opposition, linguistics.